

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

Т Е К С Т Ы

Малая серия

XV

ССЯНЪЧХОН
КЫЙБОНЪ

(УДИВИТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ
ДВУХ БРАСЛЕТОВ)

ИЗДАНИЕ ТЕКСТА,
ПЕРЕВОД И ПРЕДИСЛОВИЕ
М. И. НИКИТИНОЙ И А. Ф. ТРОЦЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1962

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов)	
Перевод	21
Примечания	75
Текст	79

ССЯНЪЧХОН КЫЙБОНЪ

(Удивительное соединение двух браслетов)

Утверждено к печати
Институтом народов Азии Академии наук СССР

Редактор издательства Н. А. Кукушкина
Технический редактор Л. Ш. Берславская
Корректор М. З. Шаfranская

Сдано в набор 18/IX 1961 г. Подписано к печати 19/II 1962 г. А-03147
Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 12,75. Уч.-изд. л. 11,12. Тираж 1250 экз. Зак. 1263 Цена 70 коп.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография Издательства восточной литературы. Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Рукописном отделе Института народов Азии АН СССР в числе рукописей и ксилографов бывшей коллекции известного английского востоковеда В. Г. Астона находится рукопись романа «Удивительное соединение двух браслетов» (雙劍奇逢) — «Ссянъчхон кыйбонъ» (С—2). Рукопись включает 22 тетради с общим количеством листов 1233 (публикуемая I тетрадь содержит 02+59 л.) 28,5×19,5 см, размер текста 26×16 см по 10 строк на странице; пагинация китайская, по тетрадям; бумага корейская, плотная, желтоватая, пропитанная маслом. Памятник написан корейским буквенным письмом (кукмун), полускорописью, местами скорописью, время создания его и автор не обозначены.

Известные нам библиографические справочники и литературоведческие работы дают следующие сведения об этом романе.

В первом томе «Bibliographie Coréenne»¹ под № 933 значится произведение под названием

쌍견괴봉
雙川奇逢 (?)²

По-видимому, Куран непосредственно не был знаком с этой рукописью. В иероглифической записи названия второй иероглиф 劍 представлен только фонетической частью 川. Очевидно, поэтому автором сделан неверный перевод заглавия: «Rencontre merveilleuse des deux fleuves» («Удивительная встреча двух рек»).

¹ Maurice Courant, *Bibliographie Coréenne*, Paris, 1894.

² Знак вопроса принадлежит Курану.

О романе «Ссянъчхон кыйбонъ» и о произведениях сходного жанра упоминается в работе Ким Тхэ Чжуна «История корейской повествовательной литературы»³. Однако автор ссылается только на библиографию Курана.

В работе Цой Хён Бэ «Изучение корейской письменности»⁴ об этом романе ничего не сказано, хотя в ней дается подробное описание сохранившихся памятников (рукописей, ксилографов и старопечатных книг), написанных корейским буквенным письмом. Нет указаний на этот памятник и в работе Маэма Кёсаку «Каталог старых корейских книг»⁵.

Отсутствие данных об этом памятнике в библиографических работах дает возможность предположить, что публикуемая рукопись — редкая или, быть может, уникальная.

«Ссянъчхон кыйбонъ» относится к жанру романа, появившемуся в Корее во второй половине XVII в. Это был период, когда в недрах феодального общества зарождались новые отношения, развивались ремесло и торговля, росли города и городское население, которое все настойчивее требовало прав гражданства. В связи с кризисом феодальной системы обострилась борьба янбанских⁶ группировок. Все быстрее шел процесс разорения мелких и средних янбаней. Во всех слоях средневекового общества зрело недовольство существующими порядками. Это недовольство обобщалось и формировалось оппозиционными идеологическими течениями, возникавшими в среде передовой части правящего класса. Наиболее сильную оппозицию представляло движение, которое появилось в середине XVII в. и проходило под лозунгом «за реальные знания», откуда оно и получило свое название «сирхак» — движение «за реальные науки». Лозунг был выбран не случайно. В условиях

³ 金俊, 朝鮮小説史, 서울, (Ким Тхэ Чжун, *История корейской повествовательной литературы*, Сеул, 1939).

⁴ 최현배, 한글갈, 서울 (Цой Хён Бэ, *Изучение корейской письменности*, Сеул, 1942).

⁵ 前岡恭, 古鮮册譜, 東京, (Маэма Кёсаку, *Каталог старых корейских книг*, Токио, 1954).

⁶ Янбаны — представители высшего сословия в феодальной Корее.

господства конфуцианской идеологии средневековая наука сводилась в основном к толкованию классических конфуцианских книг, в то время как развитие общества толкало человечество на поиски практических знаний, которые способствовали бы развитию реальных наук. Зачинателями этого движения были крупные ученые XVII в. Лю Хён Вон (1622—1673) и Пак Се Дан (1629—1703).

Деятельность просветителей-сирхакистов не ограничивалась пропагандой естественных наук. Они противопоставляли официальному, ортодоксальному конфуцианству комплекс идей, правда, еще открыто не порвавших с конфуцианством, но уже несших в себе зерна демократического и в известной мере буржуазного мировоззрения.

Одним из основных вопросов, волновавших сирхакистов, был вопрос о месте и роли личности в обществе, о взаимоотношениях человека и общества. Впервые эти вопросы были затронуты в художественной литературе XVII в., когда появились крупные по объему произведения, дававшие возможность на примере истории целого поколения, а часто и нескольких, проследить жизнь представителей самых различных общественных прослоек. В этот период получили распространение переводы китайских романов самого разнообразного характера, таких, например, как «Сон в красном тереме», «Речные заводы», «Троецарствие», «Путешествие на запад», «Цзинь, Пин, Мэй» и др. Китайские романы определяли в значительной степени вкусы корейских читателей и писателей, создавших оригинальные произведения в этом жанре. Они оказали большое влияние на формирование жанра романа в корейской литературе. Корейский роман испытал воздействие прежде всего социально-бытового китайского романа, в то время как китайский героический роман оказал влияние на повесть (например, такие произведения, как «Повесть о Чо Уне» или «Повесть о Хон Гиль Доне», написанная под явным влиянием «Речных заводов»).

Появляются романы как на китайском языке, так и на корейском. Однако романы на китайском языке не получили ши-

рокого распространения, они почти не переиздавались, на корейский язык не переводились и были забыты⁷. Роман же на корейском языке, напротив, быстро развивался и стал одним из популярных прозаических жанров.

Первым корейским романом на родном языке был «Облачный сон девяти» (九雲夢) Ким Ман Чжуна (金萬重), появившийся в конце XVII в.; близким к роману произведением была и его повесть «Скитания госпожи Са по югу». Эти произведения выдающегося писателя средневековья «задали тон» корейскому роману как в отношении проблематики, идейной направленности, так и в отношении художественных особенностей. Следом появился ряд романов, написанных под впечатлением произведений Ким Ман Чжуна. Это — «Онънумонъ» (玉樓夢), «Оннинмонъ» (玉麟夢), «Оннёнмонъ» (玉蓮夢), из которых наиболее значительным был «Онънумонъ» — «Сон в яшмовом тереме». Эти романы в свою очередь, наряду с произведениями Ким Ман Чжуна, подвели корейскую литературу к созданию многочисленных и самых разнообразных по характеру и объему произведений в этом жанре: «Два семейства Ха и Чжин» (陳兩門), «Два семейства Лю» (劉氏兩門錄), «Соединение трех семейств Юн, Ха и Чжон» (尹河鄭三門聚錄), и т. д.

«Ссянъчхон кыйбонъ» представляет собой исторический роман типа семейной хроники. Действие его происходит в Китае в правление династии Мин и охватывает период с 1382 по 1572 г. Роман излагает историю пяти поколений дома Ли. Основатель семьи Ли Хён (по-китайски Ли Сянь) — историческое лицо. Были известны два Ли Сяня, которые жили в начале династии Мин. Один из них был приближенным императора Чэнцзу (1403—1425), другой — императора Инцзуна (1457—1465). Если сравнить биографии этих лиц⁸

⁷ Подробно об этом см.: Ким Тхэ Чжун, *История корейской повествовательной литературы*, стр. 161—166.

⁸ 中國人名辭典, 上海, (Большой словарь китайских имен), Шанхай, 1921.

с жизненным путем Ли Хёна, можно убедиться в том, что в истории героя романа слились биографии двух лиц. В основу романа легли некоторые факты из жизни Ли Сяня — приближенного Чэнцзу. Однако ему приписаны государственная деятельность, чины и звания другого Ли Сяня, жившего несколько позже. Автором был создан синтезированный, художественно пересмысленный образ героя, жизнь и деятельность которого стали основной сюжетной канвой начала романа.

«Ссянъчхон кыйбонъ» — многоплановое произведение с очень сложным и разветвленным сюжетом. Названием своим он обязан одной из второстепенных сюжетных линий, которая не занимает важного места в романе, а привносит лишь дополнительную занимательность. Это история соединения двух браслетов, принадлежавших семейству Ли. Некогда один из золотых браслетов был потерян и впоследствии найден в семье Со. Браслеты были вновь соединены только через несколько поколений, когда сочетались браком юноша из семейства Ли и девушка из дома Со.

Роман во многих отношениях перекликается со «Скитаниями госпожи Са по югу». Неизвестный автор, продолжая традиции Ким Ман Чжуна и в то же время полемизируя с ним, идет гораздо дальше в решении поднятых вопросов. Вспомним повесть о госпоже Са: героиню произведения, по клеветническому обвинению наложницы, муж изгоняет из дома. Она вынуждена скитаться несколько лет, пока ее муж, узнав, что она не виновна, не восстанавливает справедливость.

Автор «Ссянъчхон кыйбонъ» усложняет ситуацию: если госпожа Са счастливо возвращается в семью, то одной из героинь романа, госпоже Чин, приходится тяжелее, так как в жизни не всегда торжествует справедливость. Автор предусматривает другой исход той же ситуации: что получается в том случае, если при жизни глава семьи не исправит свою ошибку? Ли Мён, отец одного из главных героев романа, Ли Хёна, и супруг госпожи Чин, допустивший несправедливость по отношению к своей жене и будущему сыну и не исправивший ее, сам становится жертвой собственного преступления — он гибнет.

Его жена обречена на бедствия, ей одной приходится воспитывать сына и думать о будущем. Сын не может быть счастливым, потому что расплачивается за проступок отца.

Привлекая с самого начала внимание читателя к проблеме ответственности человека перед другими людьми, с которыми он связан родственными или иными отношениями, автор в дальнейшем рассматривает ту же проблему в различных ситуациях и сюжетных комбинациях и подводит читателя к выводу: человек, особенно если он облечен властью и от него зависят судьбы многих людей, должен быть строг к себе и справедлив. Но где же искать критерий справедливости в человеческих отношениях, которые в современном автору обществе явно нуждаются в улучшении, в исправлении? Автор романа, так же как и корейские просветители XVII—XVIII вв., в поисках справедливости обращается к «чистому» конфуцианству, видя избавление от общественных зол в строгом, истинном, соблюдении конфуцианских правил в отношениях между людьми.

В романе Ли Мёну, пренебрегшему правилами пяти отношений, противопоставлен его сын Ли Хён — воплощение конфуцианских идеалов сына, мужа и отца. Но автор в своем желании создать идеальный образ по конфуцианской мерке доходит иногда до абсурда. Так, проводя гуманистическую идею о том, что человек должен думать о других (Ли Хён не может предаться горю, так как ему надо заботиться о своей матери) и должен следовать своему долгу, автор заставляет героя сначала соблюдать трехлетний траур по отцу и только после этого поинтересоваться, где скитается его жена, которая была вынуждена покинуть родные места ради того, чтобы сохранить верность мужу.

Однако автору не всегда удается примирить живое движение человеческого чувства с той схемой, которую он предложил в начале романа. Любопытным примером может служить история одной из героинь романа, Пин Сён, — дочери Ли Хан Сёна (старшего сына Ли Хёна). Здесь автор рассматривает еще один вариант традиционной ситуации: жена вынуж-

дена покинуть дом мужа, внявшего клевете. Пин Сён, изгнанная из дома, возвращается к родителям, где живет тайком восемь лет и растит сына. Ее муж Лё Ик, узнав, что жена не виновна, пытается найти ее. С трудом разыскав, он возвращает ее в свою семью. Внешне все идет так, как положено, «в рамках приличия»: жена должна снова жить в доме мужа, если он считает, что она этого заслуживает. Молодая женщина возвращается. Она почтительна к родителям мужа, придерживается установленных правил и по отношению к своему супругу, но, как говорит автор, «молодая жена была по-прежнему холодна к мужу как лед. Глубокая любовь молодого Лё была подобна Тайшани, но он не мог проявить ее»⁹. Казалось бы, естественно, что женщина не может сразу простить мужу незаслуженную глубокую обиду. Однако писать об этом нельзя: это противоречило бы нормам конфуцианской морали и той программе, которую автор сам выдвигает; но и заставить свою героиню вести себя иначе автор не может: быстрое примирение Пин Сён с мужем противоречило бы образу героини — женщины с решительным и сильным характером. Поэтому автор прибегает к своеобразному оправданию Пин Сен: оказывается, ничто не зависит от нее. Она должна вести себя именно так, а не иначе за проступки в прошлых перерождениях. Автор ссылается на чудесную книгу, полученную Ли Хёном от духов, где описаны деяния большинства персонажей романа в их прошлой жизни. Она нужна автору для оправдания чересчур самостоятельного поведения героев, чаще героинь (Пин Сён из дома Ли и девушки из дома Со, соединившей свой браслет с браслетом Ли Мон Чхана — внука Ли Хёна).

Роман отражает жизнь людей во всей ее сложности; герои сами находят выход из создавшихся трудностей. Так, изгнанная несправедливо из дома госпожа Чин не водворяется обратно волею мужа или государя. Она сама растит сына и дает ему образование. Справедливость не восстанавливается вмешательством чуда или волей мудрого правителя. Сын, выросший

⁹ «Ссяньчхон кыйбонь», т. XXII, стр. 43-а

без отца и не имеющий влиятельных покровителей, добивается высокого положения и дружбы родственника государя лишь благодаря собственным талантам, уму и прозорливости.

Автор «Ссянъчхон кыйбонъ», как правило, не индивидуализирует портреты и характеры своих героев. Персонажи романа наделены чертами исключительности: они необычайно талантливы. Если это мужчина, то он либо выдающийся государственный деятель, ученый, либо талантливый полководец; если это женщина, то она непременно добродетельна и образованна. Однако автор, верный просветительским тенденциям, переносит свои симпатии на женские образы и делает в отдельных случаях попытки наметить некоторые индивидуальные черты в облике и характерах героинь. Таковы Со и Ли Пин Сён.

Женские образы в романе гораздо ярче и живее мужских. Автор ставит своих героинь в такие ситуации, где они, действуя самостоятельно, могли бы проявить решительность, настойчивость в достижении цели, преданность долгу, ум и т. д. Почти каждой из них по тем или иным причинам приходилось пережить скитания на чужбине (например, госпожи Чин, Лю, Со, Ли Пин Сён). Чин и Лю, рано потерявшим мужей, приходится самим заботиться о семье и о процветании рода. Их жизнь и деятельность имеют, таким образом, самостоятельное общественное значение. Женщина представлена в романе активной, способной мыслить и действовать независимо, не уступая мужчине. В этом отношении просветительские тенденции Ким Ман Чжуна, намеченные в романах «Облачный сон девяти» и «Скитания госпожи Са по югу», развиты и углублены.

Действие романа развивается стремительно, повороты сюжета зачастую неожиданны, ситуации — острые и напряженные. Автор неистощимо изобретателен в придумывании сложных сюжетных ходов, иногда далеко уводящих от основной канвы романа. Ни одна из намеченных ситуаций не повторяется, и все главные и дополнительные сюжетные линии имеют логическое завершение. Действие в романе разворачивается на протяжении двух веков, и перед читателем проходят десятки ге-

роев, с каждым из которых связана какая-нибудь занимательная история.

Основное внимание автора сосредоточено на действии, интриге, ситуации. Об этом свидетельствует отказ от ряда художественных приемов и средств, характерных для других прозаических жанров. Например, в отличие от повести, уделявшей особое внимание пейзажу, внешности героя, бытовым зарисовкам, переживаниям героев, и потому часто включавшей в себя цитаты и стихи — китайские или корейские, а иногда весь текст повести был написан ритмической прозой, — в романе нет ни корейских, ни китайских стихов — необходимого условия в повести для описания чего-нибудь красивого, выдающегося. Если иногда и употребляются китайские поэтические образы, то автор их не подчеркивает.

Внимание автора больше сосредоточено на действии, стремлении ярче и красочнее изобразить его. Воспитанный на китайских литературных образцах, он прибегает к китайскому литературному языку. В результате язык романа изобилует сочетаниями четырех и более иероглифов, записанных корейским буквенным письмом. Они не отражены в словарях и с большим трудом поддаются пониманию.

Чтение романа требует очень хорошего знания китайского языка, умения оперировать китайскими односложными словами (иероглифами), а не только знания определенного, пусть даже обширного, запаса устойчивых традиционных китайских образов. Таким образом, корейский роман был рассчитан на весьма квалифицированного читателя, знакомого с литературным языком. Он в значительно большей степени использовал ресурсы китайского литературного языка, чем корейская повесть и поэзия в жанрах *сичжо* и *каса*.

Большой объем романа, так же как сложность языка, не способствовал широкому его распространению в корейском обществе XVII—XIX вв. Роман, отнюдь не поощрявшийся официально, был предметом чтения в образованных кругах общества, поэтому, как и повесть, он оставался анонимным и больше, чем повесть, рукописным.

Роман «Ссянъчхон кыйбонъ», излагающий события из истории Китая, представляет собой, по-видимому, оригинальное корейское произведение. Как известно, перенесение места действия в Китай является одной из традиций корейской литературы (ср., например, произведения Ким Ман Чжуна «Скитания госпожи Са по югу», где действие происходит в Китае эпохи Мин, «Облачный сон девяти», где также действие происходит в Китае эпохи Тан, или новеллы Пак Чи Вона). Кроме того, в романе есть целый ряд признаков, отличающих его от китайских произведений этого жанра. Китайский роман, как правило, разбит на главы; в «Ссянъчхон кыйбонъ» такое деление отсутствует. Затем, китайский роман обычно имеет пролог; «Ссянъчхон кыйбонъ» начинается непосредственно с изложения событий, что соответствует корейской литературной традиции. Специфично также использование художественных средств для описания внешности героев. Традицией китайской литературы выработаны каноны для описания женской и мужской красоты. Смещение сфер применения этих традиционных образов в китайской литературе было бы невозможно. Между тем в публикуемом романе образы женской красоты использованы для описания внешности как женщин, так и мужчин.

Об оригинальности этого произведения свидетельствует также заключительная фраза романа — обращение к читательницам: *부인이 리보아 쥬시알 지어다* «Вы, госпожи, прочтя, разберетесь [в этом]». Как известно, литература, написанная корейским буквенным письмом, презрительно именовавшимся «женским письмом», обычно предназначалась для простолюдинов и женщин. Такое обращение к читательницам — явление, безусловно, корейское.

И наконец, в пользу предположения об оригинальном, корейском, происхождении этого произведения свидетельствует тот факт, что в «Сводном каталоге китайской художественной прозы» Сунь Кай-ди¹⁰ его название не упомянуто.

¹⁰ 孙楷第, 中國通俗小說書目, 北京. (Сунь Кай-ди, *Сводный каталог китайской художественной прозы*, Пекин, 1958).

Попробуем определить время написания романа «Ссянъчхон кыйбонъ». Качество бумаги и почерк не дают никаких сведений для датировки¹¹.

Верхней границей является, очевидно, 1894 год (год опубликования первого тома «Библиографии» Курана); нижней можно считать 1572 г. — наиболее позднюю из упомянутых в тексте романа дат. В XXII тетради рукописи на стр. 55-а сказано: *남경황태스디 의설초의철디손 설문 이 급대하 야한립학스 스기를닷글시* «Во времена государя, правившего под девизом Нюнь-гёнъ, потомок Сёля в седьмом колене Сёль Мун, сдав государственные экзамены и получив звание *халлима хакса*, приводил в порядок [семейную] хронику...» Нюнь-гёнъ — китайское Лунцин — девиз правления минского Муцзуна (1567—1572).

IV тетрадь рукописи имеет шмуцтитул:

甲申正月日雙劍奇逢 — год *капсин*, первая луна, день, «Удивительное соединение двух браслетов»;

甲申正月十二日雙劍奇逢 — год *капсин*, первая луна, двенадцатый день, «Удивительное соединение двух браслетов».

Вторая запись сделана, по-видимому, потому, что в первой пропущено число.

На этом шмуцтителе указан в циклическом летосчислении год *капсин* (甲申). С 1572 (нижняя граница) по 1894 г. (верхняя граница) циклической датой *капсин* обозначались 1644, 1704, 1764, 1824, 1884 гг.

Какую же из этих пяти дат необходимо идентифицировать с годом *капсин*? Мы полагаем, что 1884 год. Просмотрев колофоны и пометки на других рукописях коллекции Астона, можно убедиться, что эта же циклическая дата встречается на следующих памятниках:

1. С — 5¹² (рукопись без заглавия) — сборник рассказов и

¹¹ Подробно вопрос об отношении качества бумаги и характера почерка к датировке корейских рукописей рассмотрен О. П. Петровой в ее предисловии к первому выпуску «Описания письменных памятников корейской культуры», М.—Л., 1956.

¹² Здесь и далее шифры рукописей даны по инвентарной описи собрания памятников корейской культуры Рукописного отдела Института народов Азии АН СССР.

диалогов на корейском языке, составленный Пак Чхон Сиком и др. для Астона во время его пребывания в Корее. На стр. 359 (по китайской пагинации) этой рукописи есть колофон: 甲申十一月二十三日小貞別署書.

2. Д—16, 支氏變麟記. На V тетради этой рукописи имеется пометка: 甲申五月二十三日.

3. С—17, 報恩記偶錄. В конце I тетради рукописи имеется пометка: 甲申四月十日汝祖鄭方石.

Владелец коллекции корейских рукописей Астон был в Корее консулом с 1884 по 1886 г. Циклическая дата *капсин* 甲申 приходится как раз на первый год его консульской работы — на 1884 г. Можно предположить, что 1884 год является не годом создания памятника, а годом его переписки (возможно — специально для Астона) или приобретения. Иначе трудно объяснить, почему эта дата так часто упоминается в рукописях коллекции.

В пользу этого предположения говорят следующие факты:

1. При сравнении почерка рукописи «Ссянъчхон кыйбонъ» с почерками других рукописных романов той же коллекции обнаружилось, что этим почерком написана рукопись С—36, 和靜善行錄 (за исключением 2-й и 3-й тетрадей), а также XXII и XXIII тетради рукописи Д—14, 河陳兩門錄 (остальные тетради рукописи Д—14 написаны другим почерком).

2. На страницах рукописи «Ссянъчхон кыйбонъ» имеются исправления и вставки (иногда размером 1—2 строки), сделанные черной и красной тушью, написанные тем же почерком, что и вся рукопись (т. VI, стр. 37-6; т. VII, стр. 49-6; т. VIII, стр. 21-6; т. X, стр. 41-а; т. IX, стр. 29-а; т. XI, стр. 27-6; 28-а; т. XIV, стр. 28-6). Эти исправления и вставки могли быть сделаны переписчиком при позднейшей сверке данной рукописи с оригиналом или каким-либо другим списком этого произведения.

Рассмотрим теперь, является ли язык рукописи, помеченной 1884 г., языком XIX в. Воспользуемся теми фактами языка, наличие или, наоборот, отсутствие которых в языке памятника дает возможность приблизительной его датировки. Здесь имеется в виду оформление существительного в именительном

падеже одним или двумя показателями и соблюдение закона гармонии гласных при образовании дательного падежа существительных. В средневековом корейском языке был только один показатель именительного падежа — *이* «и» — единый для слов, оканчивающихся на закрытый слог, и для слов с открытым конечным слогом. В дальнейшем в языке появляется особый показатель именительного падежа — *가* «га» — для открытого слога. Посмотрим, как оформлено существительное с открытым слогом в именительном падеже в данном памятнике, и сравним его с рукописями и ксилографами XIX в.

«Ссянъчхон кыйбонъ»

누슈기 만면호야

Слезы залили лицо... (т. I, стр. 4-а).

치적 귀특호지라

Талант удивительный...

(т. I, стр. 48-а).

런해 그음 업시너르니

Поднебесная беспредельно широка (т. I, стр. 27-а).

부피 엄금호니

Родители были строги (т. I, стр. 10-а).

Памятники XIX в.

포슈가 위선홀손으로그년 외
치물 잡아쥐고

Стражник сначала схватил эту бабу за волосы и наматал их на руку... (С—5, рук. 1884 г., стр. 129).

그차름은진조가만라호음
닌다

Говорят, что у него много талантов (В—15, ксилограф 1880 г., стр. 7-6).

량마가連日긔치아니호음기로
Ливень не прекращался несколько дней (С—6, рук. 1876 г., стр. 15).

조모가 업시계질가

Здравствует ли ваша матушка? (В—4, рук. 1841 г., стр. 95).

Мы видим, что в рукописи «Ссянъчхон кыйбонъ» для именительного падежа в открытом слоге используется тот же показатель, что и в закрытом слоге, в то время как в цитированных памятниках XIX в. — открытый слог имеет особый показатель *가* «га».

М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич

Указанная особенность языка романа «Удивительное соединение двух браслетов» дает возможность предположить, что рукопись была написана раньше XIX в.

Закон гармонии гласных, который строго соблюдался в раннесредневековом языке, в памятниках XIX в. не прослеживается. Так, например, противоположение *외//에~외//에*, характерное для раннесредневекового корейского языка, снимается в пользу окончаний *외//에*. Отсутствие противоположения двух видов дательного падежа, свидетельствующее о нарушении закона гармонии гласных, характерно и для исследуемого памятника.

Вот несколько примеров:

- 슬하외우러
Плача у колен [матери] (т. II, стр. 15-а).
- 혹 이곳의 마출가 두려하야
Боялся не встретиться бы в этом месте... (т. X, стр. 2-а).
- 너의 외 방동의 니르니
Привел [его] в комнату девушки... (т. I, стр. 13-а).

Совсем иначе обстояло дело в XVII в., когда гармония гласных при образовании дательного падежа, за редким исключением, соблюдалась. Возьмем несколько примеров из ксилографа 1667 г. 小學語解

- 黨당애庠상이 이시며
На пятьсот домов есть школа... (стр. 47).
- 小小學호애 쓴말이라
Что говорится в «Малом учении»... (стр. 21).
- 스물세히히 예嫁가홀며니라
В двадцать три года выдают замуж... (стр. 45).

Этот факт дает возможность предположить, что памятник «Ссянъчхон кыйбонъ» был написан после XVII в.

Остается сравнить язык романа с языком одного из памятников XVIII в. как по линии оформления существительного в дательном падеже, так и по линии действия закона гармонии гласных в дательном падеже:

Предисловие

«Ссянъчхон кыйбонъ»

Д—13, 敬信錄[諺釋]
ксилограф 1796 г.

а) именительный падеж

편지 슈도로승 상을 각별 위
로하 시고
Сын неба, выразив соболезнование, утешил сынъссянъа... (т. XXII, стр. 17-6).	녀지 유순 치못하야
Женщина, будучи непокорной... (стр. 5-6).
양재왈
Почтенный муж сказал... (т. I, стр. 251а).	청의 스재 날을 잡아 가더니
Цинский посол схватил меня... (стр. 54-а).

б) дательный падеж

открытый гласный корня

멍음 외 슈연하 더니
[Сиран Ли] в душе огорчился... (т. X, стр. 1-а). | 공이 멍음 외 이상이 녀여
Конь, в душе сочтя это необычным... (стр. 34-6). |
|---|--|

закрытый гласный корня

접외니르러
Подойдя к дому... (т. II, стр. 2-6). | 그 딥접외환심하 고 란 석하
물듯고
Слышал, как беспокоятся и вздыхают в вашем доме... (стр. 34-6). |
|---|---|

Итак, в языке памятника XVIII в., так же как и в романе «Ссянъчхон кыйбонъ», закон гармонии гласных в дательном падеже не соблюдается, а именительный падеж в обоих памятниках имеет для открытого слога те же окончания, что и для закрытого.

Таким образом, мы приходим к заключению, что язык публикуемого романа не является языком XIX в. Но он не является и языком XVII в., о чем свидетельствуют наши наблюдения над употреблением дательного падежа, поэтому памятник «Ссянъчхон кыйбонъ» с большой долей вероятности можно датировать XVIII в.

М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич

Роман «Ссянъчхон кыйбонъ», по-видимому, был создан в эпоху расцвета в Корее повествовательной литературы на родном языке и представляет ее особую ветвь как по жанру, так и по стилю. Знакомство с этим произведением показывает, что в Корее в эпоху средневековья проза была значительно богаче, чем это считалось до сих пор. Дальнейшее изучение жанра романа должно расширить наше представление о средневековой корейской литературе.

쓰런 과학 아카데미 아세아 인민 연구소

동양 제민족 고서적

소총서 원문

제十五호

雙劍奇逢

권지일

아·베·드로제위쯔

엠·이·니끼떠나

원문 간행, 번역 및 서언

동양 서적 출판사 모스크바 · 一九六二